

18+

ЕКАТЕРИНА ЗВЕГИНЦЕВА

УПЫРЬ

пана Ждановича

Екатерина Звегинцева

Упырь пана Ждановича

<https://litres.ru/74503959>

ISBN 9785007129367

Аннотация

1624 год. Великое княжество Литовское. Через девять дней после смерти пана Лукаша Ждановича в его доме по ночам происходит что-то неладное. Слуги не сомневаются: покойник вернулся. Ежи Мирецкий в упырей не верит.

Но старый спор из-за леса, неожиданное завещание и убийство в Гродно заставляют Ежи заняться делами покойного — и историей, начавшейся пятнадцать лет назад.

Содержание

Упырь пана Ждановича	5
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	41
Глава 5	49
Глава 6	59
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Упырь пана Ждановича

Екатерина Звегинцева

© Екатерина Звегинцева, 2026

ISBN 978-5-0071-2936-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Упырь пана Ждановича

Глава 1

В Ждановичи Ежи Мирецкий попал под вечер. До Гродно оставалось не больше двух миль, но после трёх дней непрерывного дождя дорогу развезло окончательно: колеи стояли полные воды, в низинах лошади вязли почти по бабки, а над полями уже собирался густой туман. Поэтому, когда за мокрыми липами показались ворота шляхетского двора, Мирецкий, не колеблясь, свернул к ним.

Старый холоп, отворивший ему дверь, назвался Паволом и на вопрос о хозяине ответил, что пана Ждановича похоронили девять дней назад.

Ежи снял шапку и перекрестился.

— Я не знал.

Он собирался было ехать дальше, но старик посмотрел на него с недоумением.

— Куда же ваша милость? Льёт как из ведра, да и ночь на дворе.

— После похорон не до гостей.

— Обождите, ваша милость.

Павол прикрыл дверь и исчез. Вернулся он через несколько минут.

— Пани просит.

Коней увели в конюшню, слуга Мирецкого отправился к холопам, плащ забрали сушить, а самого Ежи проводили в

дом. Перед образами горели свечи, пахло воском и можжевельником. Но жизнь усадьбы шла своим чередом: из кухни доносился звон посуды, кто-то во дворе громко требовал сухих дров, в дальней части хлопали двери.

Пани Жданович приняла гостя в малой гостиной.

Она была ещё молода, в чёрном, без украшений; только у горла белел узкий воротник. Волосы были убраны под темный чепец, глаза — то ли карие, то ли зелёные, при свечах не разобрать — смотрели на гостя чуть настороженно. Мирецкий задержал на ней взгляд немного дольше, чем собирался, и поклонился.

— Ежи Мирецкий, из великопольских Мирецких, герба Любич, состою на королевской службе. Примите мои соболезнования, пани. И прошу извинить за невольное вторжение.

— Благодарю вас, пан Мирецкий. Вы не могли знать. Агнешка Жданович. Прошу садиться.

Павол подал вино.

— Вы, должно быть, на сеймик? — спросила Агнешка.

— Да. По королевскому поручению. Если завтра дорога позволит добраться в город.

— Доберётесь. Слышала, что уже многие съехались. Пан Бжостовский приехал ещё вчера, как и Вержбицкий. Журавский сегодня.

— Это который Журавский? Рыжий Казимир?

— Он.

Агнешка взглянула на него.

— Вы с ним приятельствуете?

Ежи чуть пожал плечами.

— Случалось пить вместе.

Агнешка едва заметно усмехнулась и отпила вина.

Она назвала ещё нескольких. Двоих Ежи знал по службе, с третьим когда-то встречался и не был уверен, что хотел бы увидеться снова.

Оказалось, Агнешка несколько лет провела при дворе и уехала из Варшавы незадолго до того, как Ежи стал бывать там подолгу. Круг их знакомств во многом совпадал, и говорила она о людях метко, порой насмешливо, но без злости. Беседа, начатая Мирецким из вежливости, незаметно стала ему интересна.

Павол появился в дверях.

— Пани, ужин готов.

— Подавай. И принеси венгерского.

— *Ślužę, pani.*

За ужином разговор продолжился ещё свободнее. От придворных историй незаметно перешли к недавней войне, от неё — к европейской политике, а потом к одной новой книге: Ежи читал её на французском, Агнешка — в польском переводе. Здесь они не сошлись, хотя довольно скоро стало непонятно, спорят они об авторе или всё-таки о переводчике.

— Вы любите читать? — спросил Ежи.

— Очень. Зимой, правда, времени больше.

— А летом?

— Летом хозяйство. Три деревни, мельница, два пруда. Ещё лес — хотя насчёт него у пана Бжостовского своё мнение.

— Спорный?

— Уже пятнадцатый год.

— Так долго?

— Из-за копца. Никто уже толком не помнит, где он стоял.

— И за столько лет так и не смогли разобраться?

— Ни мой покойный муж, ни пан Бжостовский уступать не собирались. Теперь, впрочем, это дело наследника. Он был в Кракове, когда пришло известие. Ждём со дня на день.

К тяжбе больше не возвращались. Павол убрал со стола, принёс сыр и пирог со сливами, а беседа давно уже ушла в другую сторону.

Некоторое время спустя Павол вошёл со свежими свечами и принялся менять догоревшие. Только тогда Ежи заметил, как поздно. Он охотно посидел бы ещё, но приличия требовали откланяться.

— Боюсь, я и без того злоупотребляю вашим гостеприимством, пани.

— Тогда не стану вас задерживать.

Мирецкий поднялся, поклонился и коснулся губами её руки.

— Благодарю вас. За ужин и особенно за ваше общество.

— Доброй ночи, пан Мирецкий.

— Доброй ночи, пани.

Павол проводил его в другую половину дома. Комнату Ежи отвели рядом с библиотекой. Постель уже была приготовлена, в печи догорали поленья, на столе стояли кувшин с водой и подсвечник.

— Ещё что-нибудь угодно вашей милости?

— Нет, Павол.

— Доброй ночи, ваша милость.

Павол поклонился и вышел.

Оставшись один, Ежи снял перевязь и контуш, стащил сапоги и подбросил в печь полено. Спать ещё не хотелось. Он раскурил трубку, достал из дорожной сумки бумаги, которые понадобятся завтра на сеймике, и устроился с ними у огня.

Дождь не прекращался. Временами ветер бросал его в окно, и слышно было, как вода стекает с крыши. Ежи успел просмотреть несколько листов, когда за стеной что-то глухо стукнуло.

Он поднял голову.

Сначала было тихо. Потом послышался скрип, будто передвинули что-то тяжёлое, следом — ещё один удар.

Мирецкий отложил бумаги и прислушался.

За стеной явно чем-то занимались: что-то двигали, один раз уронили с таким грохотом, что Ежи невольно поморщился. Для домашних дел час был поздний, но мало ли что могло понадобиться в библиотеке. Он снова взялся за бумаги.

Вскоре опять загремели.

На этот раз Мирецкий обулся, взял подсвечник и вышел в коридор.

У двери библиотеки шум мгновенно стих. Ежи постоял, прислушиваясь, и постучал.

— Кто там?

Никто не ответил.

Он постучал ещё раз, громче.

— Эй!

Тишина.

Ежи попробовал дверь. Заперто.

Он нахмурился. Будить среди ночи весь дом из-за странного шума в библиотеке было бы нелепо. Мирецкий ещё немного постоял у двери, затем вернулся к себе.

Больше за стеной не шумели.

Утром распогодилось. Павол принёс горячую воду и распахнул ставни. С мокрых деревьев ещё капало, но над полями уже светлело.

— Дорога как? — спросил Ежи.

— Скоро просохнет.

К завтраку подали хлеб, масло, яйца, сыр и холодное мясо. Перед Агнешкой Павол поставил небольшую чашку имбирной поливки.

Ежи взглянул на чашку.

— Варшавская привычка?

— Именно с имбирем.

Он улыбнулся.

— Прекрасно вас понимаю.

Агнешка кивнула Паволу:

— Пану тоже.

Когда Павол вернулся с другой чашкой, разговор уже шёл о предстоящем сеймике. Агнешка назвала ещё двух соседей, которых Ежи мог там встретить, и предостерегла от пана Коссаковского, имевшего обыкновение начинать спор прежде, чем собеседник успевал открыть рот.

— Полезное свойство для сеймика, — заметил Ежи. — Я бы сказал, незаменимое.

Павол налил ему поливки.

Агнешка взглянула на гостя.

— Вы хоть выпались?

— Вполне. Хотя некоторое время сомневался, дадут ли мне уснуть.

— Кто?

— Не знаю. Кто-то ночью шумел в библиотеке.

Она перестала резать мясо.

— В библиотеке?

— Что-то двигали, один раз, кажется, уронили. Я вышел посмотреть — всё стихло. Дверь была заперта.

Павол медленно поставил серебряный кувшин.

— Точно заперта, ваша милость?

— Заперта.

— И шум шел оттуда?

Старик перекрестился.

Агнешка посмотрела на него.

— Павол?

— Как же так, пани? Я же своими руками клал книгу пану Лукашу в гроб.

— Клал.

Ежи посмотрел на обоих.

— Кажется, я чего-то не понимаю.

— Перед похоронами Павол выпросил книгу для пана Ждановича, — объяснила Агнешка. — Я разрешила взять Гольдаста, Politische Reichshändel.

Она чуть поморщилась.

— На редкость нудная.

Ежи усмехнулся.

— Читал.

— Неужели всю?

— Практически.

— Тогда понимаете, почему я её не пожалела.

— Пан Лукаш немецкого-то не разумел, — сказал Павол.

Агнешка повернулась к нему.

— Поэтому ты и выбрал немецкую?

— А как иначе, пани?

— Вот теперь, — сказал Ежи, — без объяснений точно не обойтись.

Павол посмотрел на него с некоторым недоумением.

— Так это чтобы пан не ходил.

Ежи подождал.

— Куда?

— Ночью.

Агнешка улыбнулась.

— Павол, боюсь, ты окончательно запутал пана Мирецкого. Расскажи толком и с начала.

Старик помолчал, собираясь с мыслями.

— У нас, у словаков, говорили: иной покойник лежит себе смирно, а другому и на том свете покоя нет. Дело оставил, обиду какую — мало ли. Такой ночью непременно встанет и отправится себе бродить. А до первых петухов ему назад надо.

— И что же с ним делать?

— Занять чем-нибудь. Чтобы до утра провозился.

Ежи посмотрел на него.

— И ты решил дать пану Ждановичу книгу?

— А что? Пан Лукаш грамотный был.

Агнешка подняла брови.

— Поэтому непременно немецкую?

— На польском-то он быстро прочтёт. А с чужим языком провозится. Пока слова разберёт, пока смысл поймёт — глядишь, уже петухи.

Ежи медленно поставил чашку.

— То есть покойника удерживают в могиле трудностями перевода?

Агнешка рассмеялась.

— По-моему, весьма просвещённый обычай.

— А переводить-то зачем? — продолжал Павол. — Ему понимать надо.

Ежи посмотрел на Агнешку.

— Сдаюсь.

— В Полесье проще, — сказала она. — Мак насыпают. Пока покойник все зёрна пересчитает, ночь кончится.

— Тоже годно, — одобрил Павол.

— Рада, что наши традиции не хуже словацких.

— Маку только побольше надо.

Агнешка подняла брови.

— Непременно запомню.

Ежи отпил поливки, всё ещё улыбаясь.

— Значит, книга могла быть любая?

— Лишь бы пану над ней помучиться пришлось.

Мирецкий покосился на Агнешку.

— А я уже подумал, что Голдаст — необходимая часть обряда.

Она рассмеялась снова.

Павол остался серьёзен.

— Только книга, выходит, не помогла.

Агнешка посмотрела на старика.

— Павол, довольно.

Тот пожал плечами и принялся собирать со стола.

Ежи перевёл взгляд на дверь библиотеки.

— А библиотеку на ночь запирают?

— Всегда, — сказала Агнешка.

— Ключ у кого?

— У меня. У мужа был свой.

Павол замер с блюдом в руках.

— Павол.

— Я ничего, пани.

— Вот и не надо.

Старик поджал губы и вышел.

— Где второй ключ? — спросил Ежи.

— Не знаю. После похорон я его не видела.

— Вот как.

Агнешка посмотрела вслед Паволу.

— Теперь он окончательно уверен, что ночью приходил

Лукаш.

— За новой книгой?

Она улыбнулась.

— Возможно, он ищет словарь?

Глава 2

В сениях слышались торопливые шаги. Кто-то заговорил с Паволом, тот резко переспросил, и через мгновение в дверях появился молодой холоп — запыхавшийся, с грязью на сапогах и полах сермяги.

— Пани, из лесу прискакали.

Агнешка повернулась к нему.

— Что случилось?

— Бжостовские копец разрыли.

Она сразу встала.

— Где?

— У Чёрного ручья. Старый раскидали, новый ставят, ближе к воде.

— Кто там?

— Молодой пан Бжостовский.

— Станислав?

— Он, пани. И людей с ним много.

Ежи вспомнил вчерашний разговор.

— А его отец уже на сеймике.

— Со вчерашнего дня, — сказала Агнешка.

— Удобно.

— Не то слово.

Она вышла в сени.

— Павол!

Старик появился из-за двери.

— Тут я, пани.

— Вели седлать. И найди Якуба. Пусть соберёт людей.

— Сейчас, пани.

— И Мацея ко мне. Он покажет, где они.

Павол поспешил прочь.

— Я поеду с вами, — сказал Ежи.

Агнешка обернулась.

— А сеймик?

— Успею.

Она задержала на нём взгляд.

— Тогда едем.

Когда Ежи вышел во двор, Агнешка уже сидела на невысокой гнедой кобыле. Подол её платья был подобран для верховой езды; поверх она накинула суконный плащ. У ворот ждали Мацей, Якуб и ещё несколько дворовых.

Ежи сел на коня.

— Веди, — сказала Агнешка Мацею.

Тот тронул первым.

Дорога к лесу сначала петляла между полями, потом свернула к мельнице. Земля ещё не просохла, и местами приходилось ехать шагом. Агнешка держалась впереди рядом с Мацеєм.

— Старый копец совсем разобрали?

— Почитай весь, пани. Камни раскидали, землю сравни-
ли.

— А новый далеко?

— Саженой двадцать будет. Может, больше.

— К ручью?

— К нему.

Ежи поравнялся с Агнешкой.

— Двадцать саженой — много?

— Если провести межу оттуда, Бжостовским отойдёт не только спорный лес. Ещё часть мельничного луга.

— А где копец стоял прежде действительно никто не помнит?

— Помнят якобы все, — сказала Агнешка. — Только каждый твердит своё.

Мацей обернулся.

— Я помню, пани.

— Ты служишь Ждановичам сорок лет. Бжостовские скажут, что именно поэтому твоя память так хороша.

— А чего мне врать?

— Я тебе верю, Мацей. Но суд может решить иначе.

Старик недовольно засопел.

Через некоторое время впереди показалась опушка. Между деревьями виднелись люди и свежая, ещё тёмная земля.

Станислав Бжостовский встретил их верхом. Он был на вид чуть старше двадцати, широкоплечий, светловолосый, с красивым резким лицом, в дорогом жупане и высоких сапогах. Увидев Агнешку, снял шапку.

— Пани Жданович.

— Пан Бжостовский.

— Не думал, что вас потревожат из-за такой малости.

— Двадцать сажень моей земли — довольно крупная малость.

— Спорной земли.

Агнешка посмотрела на новый копец.

— Верните старый на место.

— Мы как раз и возвращаем его на место.

— Он всё время, сколько я здесь живу, стоял там.

— Потому что ваш муж пятнадцать лет не желал признать ошибку.

— Как и ваш отец.

Станислав усмехнулся.

— Значит, по крайней мере в одном они были согласны.

Ежи оставался чуть в стороне.

— Кто может подтвердить, где была старая межа? — спросила Агнешка.

— Мои люди.

— А мои утверждают обратное.

— Вот потому тяжба и длится пятнадцатый год.

— Был ещё Сакович, — сказал кто-то из дворовых Ждановичей.

Станислав быстро взглянул на него.

— Какой Сакович?

— Пётр Сакович. Землемер. Он старый копец ставил, ещё при пане-отце Ждановича.

— Сакович давно сгинул неведомо куда.

— А вот и нет, — возразили ему, — говорят, видали его в городе.

— Не сгинул, — подтвердил Мацей.

Агнешка повернулась к нему.

— Откуда ты знаешь?

— Пан Лукаш нашёл его.

— Когда?

— Перед самой смертью. Недели за две, может. Сам мне сказал: «Сакович объявился. Теперь поглядим, чей лес».

Агнешка нахмурилась.

— Странно, мне он ничего об этом не говорил.

Ежи заметил, что Станислав больше не улыбается.

— Мало ли что сказал покойный.

— Тогда у Саковича и спросим, — ответила Агнешка.

— Спрашивайте. А копец останется здесь.

— Нет.

— Пани Жданович, мои люди второй раз его перекладывать не станут.

— Тогда дождёмся вашего отца.

Станислав резко повернулся к ней.

— Моего отца здесь нет.

— Я заметила. При нём вы обычно ведёте себя приличнее.

Он побледнел.

— Оставьте моего отца, пани. Я сам способен заниматься делами Бжостовских.

Агнешка посмотрела на разрытый копец.

— Вижу, насколько преуспели.

До сих пор Ежи не вмешивался. Теперь он подъехал ближе.

— Пан Бжостовский.

Станислав повернулся к нему и только теперь, кажется, рассмотрел как следует.

— Простите, пане, с кем имею честь?

— Ежи Мирецкий, из великопольских Мирецких, герба Любич. К вашим услугам.

— В таком случае, пан Мирецкий, вы, вероятно, понимаете, что это давняя тяжба между нашими семьями.

— Поэтому до сих пор я и молчал.

Ежи указал на разрытую землю.

— Но ещё сегодня утром копец стоял там?

Станислав помедлил.

— Стоял.

— А теперь он здесь.

— Здесь ему и место.

— Возможно. Об этом и будете спорить.

Ежи перевёл взгляд на людей Бжостовского.

— А пока я бы больше ничего не трогал.

— Это совет?

— Да.

— А если я ему не последую?

Ежи чуть пожал плечами.

— Тогда боюсь, что сегодня на сеймике будут обсуждать не только старую тяжбу, но и то, каким способом вы решили её закончить.

Станислав посмотрел на него исподлобья.

— Угрожаете, пан Мирецкий?

— Боже упаси. Просто двадцать саженой земли трудно передвинуть незаметно.

Станислав не ответил сразу.

Потом повернулся к своим людям.

— Довольно. Оставьте.

Работа прекратилась.

Агнешка указала на свежий копец.

— Его тоже.

— Нет, пани. Он останется до решения тяжбы.

— На новом месте?

— На прежнем.

Агнешка посмотрела на Ежи. Тот едва заметно покачал головой.

Она помолчала.

— Хорошо. До решения тяжбы никто больше не трогает межу.

— Ни вы, ни мы.

— Ни мы, ни вы.

Станислав коротко поклонился.

— Пани Жданович. Пан Мирецкий.

Он развернул коня и поехал к своим.

Агнешка проводила его взглядом.

— Сакович, — сказала она.

Ежи вопросительно посмотрел на неё.

Она тронула поводья. Мацей с остальными уже отъехал вперёд; несколько минут они ехали молча.

— Лукаш ничего мне не говорил, — сказала наконец Агнешка. — Ни о том, что нашёл этого Саковича, ни о том, встречались ли они.

— Мог просто не успеть.

— За две недели?

— Возможно, собирался сначала получить от него что-нибудь более существенное, чем обещание вспомнить старый копец.

Агнешка взглянула на него.

— Свидетельство?

— Или письмо.

— Тогда оно было бы в секретере. Муж держал там все бумаги по тяжбе.

— Было?

— Нет. Я разбирала его бумаги после смерти.

Ежи кивнул.

— Значит, либо ничего не получил, либо не положил туда.

— Похоже на то.

Лошадь Агнешки оступилась в размокшей колее; она придержала её и снова пустила шагом.

У развилки дорога к усадьбе уходила вправо, к Гродно —

влево. Ежи остановил коня.

Агнешка тоже придержала кобылу.

— Вам туда.

— Знаю.

Оба помедлили у развилки.

— Если вспомните что-нибудь о Саковиче — как пан Жданович нашел его, с кем говорил о нём, — не отбрасывайте даже мелочи.

— Хорошо.

— Обсудим вечером.

Агнешка взглянула на него.

— Вы собираетесь вернуться?

Ежи чуть улыбнулся.

— Мне ведь ещё нужно узнать, помог ли покойному словарь.

Агнешка рассмеялась.

— Хорошо. Я велю никого не пускать в библиотеку.

— Особенно Павола.

Ежи снял шапку.

— До скорой встречи, пани.

— До встречи, пан Мирецкий.

Он повернул коня на дорогу к сеймику.

Агнешка проводила его взглядом и только потом тронула кобылу.

Вернувшись в усадьбу, она отдала поводья конюху, сбросила в сених плащ и сразу отправилась в библиотеку.

Рассказ Мирецкого о ночном происшествии при дневном свете казался почти нелепым. Кто-то среди ночи двигал мебель в запертой библиотеке, а когда он вышел в коридор, таинственно исчез. Если бы не пропавший ключ Лукаша, Агнешка, пожалуй, решила бы, что Ежи ошибся.

Замок открылся как обычно.

Агнешка вошла и оставила дверь открытой.

В библиотеке всё выглядело почти так же, как перед похоронами. Тяжёлый стол у окна, кресло Лукаша, шкафы и полки вдоль стен. На столе лежали две книги; ещё одна стояла на подоконнике.

Агнешка нахмурилась.

Лукаш был педантом. Каждая вещь в доме имела своё место, и если Агнешка, взяв книгу, случайно ставила её не туда, он мгновенно это обнаруживал.

Ordo est anima rerum, — неизменно напоминал Лукаш, после чего объяснял Агнешке то, с чем она и без того была совершенно согласна. Трудность состояла лишь в том, что сама она никогда не видела особой разницы между двумя соседними местами на полке.

Теперь же привычный *ordo* был явно нарушен.

Несколько книг стояли не там. Одна была повернута корешком внутрь, другая втиснута между томами, которым явно не соответствовала по формату. Агнешка медленно прошла вдоль полок. Чем дальше смотрела, тем очевиднее становилось: книги вынимали, просматривали и ставили обрат-

но. Старались делать это аккуратно — но не настолько, чтобы обмануть человека, которому целых двенадцать лет читали наставления о должном порядке.

Агнешка невольно улыбнулась.

Потом улыбка исчезла.

Кто-то что-то тщательно искал в библиотеке её мужа.

Глава 3

До города Ежи добрался значительно позже, чем рассчитывал. У бернардинского костёла уже теснились экипажи и верховые лошади; слуги принимали поводья, под навесом и прямо на улице толпилась шляхта. До заседания оставалось немного времени, но, судя по шуму, до самого начала было ещё далеко.

Ежи едва успел спешиться, когда навстречу ему вышел Казимир Журавский.

— Мирецкий! Пане брат! А мы уже решили, что тебя утопило.

— Почти.

— Дороги?

— Дороги, лес, покойник.

Журавский посмотрел на него.

— В каком порядке?

— Пока не решил.

— Тогда выпьем. Может, прояснится.

Ежи усмехнулся.

— Веди.

В корчме неподалёку от костёла было не протолкнуться. Казалось, половина сеймика собралась здесь, а вторая ещё только подъезжала. Пахло мокрой шерстью, табаком и вином; за одним столом спорили о предстоящем заседании, за

другим — о лошадях, и оба спора велись с одинаковым жаром.

Ежи увидел Вержбицкого, ещё нескольких знакомых — и наконец старшего Бжостовского.

Тот разговаривал у окна с двумя шляхтичами.

Ежи взял у слуги кубок и направился к нему.

Пан Бжостовский заметил его ещё издали и приветливо поднял руку.

— Пан Мирецкий! Наконец-то. Говорили, вы должны были быть ещё утром.

— Задержался по дороге.

— Надеюсь, ничего серьёзного?

Ежи отпил вина.

— Ваш сын передавал поклон.

Бжостовский приподнял брови.

— Станислав? Где вы успели с ним встретиться?

— У Чёрного ручья.

Улыбка с лица Бжостовского исчезла.

— Что он там делал?

— Переносил копец.

Один из шляхтичей у окна кашлянул и отвернулся. Второй остался на месте с явным интересом.

Бжостовский посмотрел на Мирецкого.

— Какой копец?

— Тот самый, из-за которого вы пятнадцать лет судитесь с Ждановичами.

Бжостовский не ответил сразу.

— Прошу вас, пан Мирецкий.

Он отвёл Ежи в сторону.

— Теперь рассказывайте.

— Рассказывать особенно нечего. Старый копец разобрали, новый поставили саженой на двадцать ближе к ручью. Пани Жданович приехала разбираться. Я оказался там случайно.

— Случайно?

— Ночевал у Ждановичей. Вчера дорогу размыло. Утром за пани Жданович прискакали из леса, я поехал с ней.

Бжостовский кивнул.

— И что сказал Станислав?

— Что восстанавливает старую межу.

Бжостовский выругался вполголоса.

Ежи отпил вина.

— Примерно такова была и моя первая мысль.

— И чем кончилось?

— Работы прекратили. До решения тяжбы ни одна сторона не трогает межу.

— Агнешка согласилась?

— Да.

— А Станислав?

— Тоже.

Бжостовский посмотрел на него.

— Сразу?

— Не совсем.

— Понятно.

К ним подошёл слуга с вином. Бжостовский протянул ему кубок и дождался, пока тот отойдёт.

— Двадцать сажений, говорите?

— Около того.

— Вот болван.

Ежи ничего не сказал.

— Копец действительно когда-то стоял ближе к ручью, — продолжил Бжостовский.

— Так говорит и ваш сын.

— Потому что слышал это от меня. Но одно дело доказывать, где проходила старая межа, и совсем другое — самому её передвигать, пока Ждановича девятый день как похоронили.

— И наследник ещё не вернулся.

Бжостовский поморщился.

— Тем более. Лукаш бы за такое прислал вызов.

— Возможно, Станислав именно поэтому выбрал удачное время.

Бжостовский посмотрел на него поверх кубка.

— Это уже лишнее, пан Мирецкий.

Несколько секунд оба молчали.

— Я со Станиславом поговорю, — сказал наконец Бжостовский.

— Думаю, это будет полезно.

— Не сомневаюсь.

Ежи уже собирался отойти, но остановился.

— Кстати, вам что-нибудь говорит имя Петр Сакович?

Бжостовский нахмурился.

— Сакович?

— Землемер.

— Ещё бы. Только он лет десять как исчез.

— По-видимому, не совсем.

Бжостовский недоверчиво посмотрел на него.

— Слуга Ждановичей утверждает, что Лукаш нашёл его незадолго до смерти.

— Лукаш?

— Так утверждает этот Мацей.

Бжостовский медленно поставил кубок на стол.

— Вот как.

— Жданович вам не говорил?

— Ни слова.

— Странно.

— Не особенно. Если Лукаш действительно нашёл Саковича, с какой стати ему было сообщать об этом мне раньше времени?

— Особенно если рассчитывал выиграть тяжбу.

— Именно.

Бжостовский помолчал.

— Хотя две недели молчать тоже на него не похоже.

— Вы хорошо его знали?

— Лет двадцать. Ссорились часто, мирились не реже. Только насчёт этого проклятого леса так и не договорились.

Ежи кивнул.

— Сакович действительно может решить дело?

— Может. Он сам ставил тот копец.

— И куда?

Бжостовский усмехнулся.

— Если бы я это знал наверняка, пан Мирецкий, мы с Лукашем не судились бы пятнадцать лет.

— Справедливо.

— Если Сакович действительно нашелся, теперь и узнаем. От костёла донёсся звон.

В корчме сразу стало заметно тише. Кто-то допивал вино, кто-то уже проталкивался к выходу; за соседним столом спор поспешно завершили обещанием продолжить после заседания.

Бжостовский поставил кубок.

— Кажется, нас всё-таки собрали сюда не ради моего леса.

— Пока ещё вашего?

Бжостовский посмотрел на него.

— А вот это, Мирецкий, было уже недостойно.

— Согласен. Но удержаться не смог.

Бжостовский фыркнул.

— Идёмте, пока без нас не спасли Речь Посполитую.

— Или не погубили.

— На это времени потребуется меньше.

Они вместе направились к выходу.

Казимир перехватил Мирецкого уже в дверях.

— Так где тебя носило? — спросил Журавский.

— У Ждановичей.

— У Агнешки?

— У неё.

Казимир повернул к нему голову.

— Вот даже как. Интересно, она меня помнит?

— По крайней мере, имя узнала.

— Уже приятно. Что сказала?

— Спросила, приятельствуем ли мы.

— И?

— Я сказал, что случалось пить вместе.

— Скотина.

Ежи усмехнулся.

— Что не так?

— Столько лет дружбы свести к пошлому пьянству.

— Я предпочёл придерживаться бесспорных фактов.

— Очень по-дружески.

— Я старался.

Казимир взял со стола кубок.

— Давно её не видел.

— Лет десять, больше?

— Около того. Ещё до Ждановича. Как она?

— В добром здравии, насколько я могу судить.

— Не прикидывайся идиотом, тебе не идёт.

Ежи посмотрел на него.

— А что тебя интересует?

— Красавица?

— Редкая.

Казимир уже поднёс кубок ко рту, но задержал его.

— Гм.

— Что?

— Ничего.

Он отпил вина.

— А ты, говоришь, случайно там заночевал?

— *Idź w dupę*, Казимир.

— Молчу — молчу.

Журавский довольно засмеялся и направился к выходу.

В костёл они вошли едва ли не последними. Шляхта уже заполнила все отведённое для заседания пространство; у дверей ещё толкались опоздавшие, впереди кто-то громко требовал тишины, чем только увеличивал общий шум.

Заседание началось почти сразу со спора. Пан Коссаковский поднялся прежде, чем предыдущий оратор успел закончить, и через несколько минут говорил уже одновременно с ним.

Ежи вспомнил Агнешку и усмехнулся. Она нисколько не преувеличивала.

Дальше стало не до Коссаковского. Обсуждали налоги, содержание хоругвей, недоимки; потом долго спорили об инструкции послам на сейм. Ежи дважды выступал сам, один

раз сцепился с Вержбицким и к концу заседания почти перестал думать о событиях этого утра.

После заседания расходиться, разумеется, никто не собирался. Одни вернулись в корчму, другие разбились на небольшие компании перед костёлом. Ежи задержался на площади с Казимиром и ещё несколькими знакомыми.

— Так это правда, что молодой Бжостовский сегодня межу двигал? — спросил кто-то.

— Правда, — сказал Ежи.

— Отец знает?

— Теперь знает.

— Тогда юноше можно только посочувствовать.

— Я бы лучше посочувствовал Ждановичам, — заметил стоявший рядом пожилой шляхтич. — Лукаша ещё толком похоронить не успели, а соседи уже землю делят.

— Бжостовские считают её своей.

— Бжостовские пятнадцать лет так считают. Могли ещё неделю и потерпеть.

Кто-то заговорил о старой тяжбе. Ежи слушал вполуха, пока не прозвучало:

— Впрочем, вдова своего не упустит.

Он повернул голову.

Говоривший пожал плечами.

— А что? Умная женщина. Хозяйство знает. Лукаш последние годы без неё половины дел не решал.

— Это похвала? — спросил Ежи.

— Похвала. Хотя наследнику, возможно, покажется иначе.

— Он ей не доверяет?

— Откуда мне знать?

Шляхтич пожал плечами.

— Просто теперь им придётся разбираться, что кому оставил Лукаш. А там, говорят, есть что делить. Сам-то Лукаш о завещании не распространялся.

Его окликнули из другой компании.

— Иду! — отозвался он и, уже отходя, добавил: — Впрочем, скоро сами узнаем. Наследник вот-вот должен приехать.

Ежи проводил его взглядом.

— Кто это? — спросил он Казимира.

— Кто-то из свиты Сапеги, лично не знаком. А что?

— Ничего.

Ежи почему-то снова вспомнил ночной шум в библиотеке.

Глава 4

В Ждановичи Ежи вернулся перед закатом. Дорога за день подсохла, и обратный путь занял меньше времени, чем он рассчитывал.

Во дворе прибавилось лошадей. У конюшни двое незнакомых слуг разбирали дорожные сумы.

Павол встретил его у входа.

— Пан Кшиштоф приехал.

— Давно?

— Часа два как. Пани с ним в кабинете.

Поднимаясь на крыльцо, Ежи заметил вбитый в дверной косяк нож — простой, железный, с деревянной рукоятью.

— Это ещё что?

— От покойника.

Ежи посмотрел на Павола.

— Книга не помогла?

Старик вздохнул.

— Не помогла.

Ежи отдал ему перчатки и вошёл в дом.

В кабинете Агнешка сидела у стола с мужчиной лет тридцати пяти. При появлении Мирецкого тот поднялся. Высокий, сухощавый, темноволосый, он ещё не успел переодеться с дороги.

— Пан Мирецкий, — сказала Агнешка. — Кшиштоф

Жданович, племянник моего мужа.

Мужчины поклонились.

— Пани Агнешка уже рассказала мне о Чёрном ручье, — сказал Кшиштоф. — Благодарю вас, пан Мирецкий.

— Особенно не за что. Я только убедил молодого Бжостовского отложить решение земельного вопроса.

— В его случае это, вероятно, было самое разумное.

— Его отец примерно того же мнения.

Кшиштоф поднял брови.

— Вы виделись?

— Сегодня на сеймике.

— Тогда Станиславу нынче не позавидуешь.

— Я ему и утром не завидовала, — сказала Агнешка.

Ежи сел в предложенное кресло.

— Как прошёл сеймик? — спросила она.

— Речь Посполитая уцелела.

— Несмотря на Коссаковского?

— Вопреки.

Агнешка улыбнулась.

— А Бжостовский?

— Обещал поговорить с сыном. Думаю, на некоторое время вопрос с копцом закрыт.

— На некоторое, — повторил Кшиштоф. — Пятнадцать лет тяжбы Станислав решил закончить за одно утро.

— Молодость нетерпелива, — заметил Ежи.

— Особенно когда отец не видит.

Вошёл Павол с вином. Пока он расставлял кубки, Агнешка спросила:

— Как пани Эльжбета?

— Лучше. Но после родов ещё не вполне оправилась.

— Дети здоровы?

— Все трое.

— Слава Богу.

Кшиштоф кивнул.

— Она просила передать вам поклон.

— Передайте ей мой.

Павол разлил вино и вышел.

— Кстати, пан Мирецкий, — сказала Агнешка. — Насчёт библиотеки вы не ошиблись.

Ежи посмотрел на неё.

— Вы туда заходили?

— Сразу после возвращения. Кто-то действительно перебирал книги. Вынимал, просматривал и старался поставить обратно как было.

Кшиштоф нахмурился.

— Что искали?

— Не знаю.

— Книгу?

— Может быть. Или что-нибудь в одной из книг. Или за ними.

— Дверь была заперта?

— Была.

Кшиштоф задумался.

— Покажете потом?

— Разумеется.

Через некоторое время Ежи спросил:

— Вы уже рассказали пану Ждановичу о Саковиче?

— Рассказала.

Кшиштоф взглянул на него.

— Я сначала даже не вспомнил это имя.

— Пётр Сакович, — сказала Агнешка. — Землемер, который пятнадцать лет назад ставил спорный копец у Чёрного ручья.

— Теперь припоминаю, — сказал Кшиштоф. — Дядя несколько раз упоминал его прежде.

— Мацей утверждает, что Лукаш нашёл Саковича недели за две до смерти, — сказал Ежи.

— Так пани Агнешка и рассказала.

— Старший Бжостовский ничего об этом не знал.

Кшиштоф пожал плечами.

— Это неудивительно. Если дядя действительно нашёл человека, который мог подтвердить его межу, зачем было сообщать об этом Бжостовскому заранее?

— Мне он тоже не сообщил, — сказала Агнешка.

Кшиштоф посмотрел на неё.

— Вот это странно.

— Особенно если действительно нашёл его за две недели до смерти.

— Может быть, Сакович ещё ничего ему не дал.

— Или не захотел давать, — заметил Ежи.

— Или вообще не согласился свидетельствовать, — сказал Кшиштоф.

Агнешка кивнула.

— Пока мы знаем только со слов Мацея.

— Саковичу надо найти, — сказал Ежи.

— Это в любом случае, — согласился Кшиштоф.

Разговор на некоторое время оборвался.

За окнами уже темнело. Во дворе кто-то провёл лошадь к конюшне; слышался стук копыт по камням, затем голоса слуг.

Павол появился в дверях.

— Пани, ужин подан.

Агнешка поднялась.

— Идёмте, панове.

Кшиштоф пропустил её вперёд. Ежи последовал за ними.

За ужином к событиям дня почти не возвращались.

Кшиштоф рассказывал о дороге из Кракова, Агнешка расспрашивала о жене, детях и общих знакомых.

Потом заговорили о хозяйстве. Кшиштоф спросил о мельнице, арендаторах, недоимках. Агнешка отвечала подробно; вскоре разговор и вовсе перешёл на дела, в которых Ежи был совершенно посторонним.

Он некоторое время слушал, потом отставил кубок.

— Простите, пани Жданович. День был долгий, а я, при-

знаться, устал.

— Конечно, пан Мирецкий.

Ежи поднялся.

— Благодарю за ужин. Доброй ночи, пани. Пан Жданович.

Кшиштоф тоже привстал.

— Доброй ночи, пан Мирецкий.

— Доброй ночи, — сказала Агнешка.

Ежи поклонился и вышел.

Разговор за столом продолжался ещё некоторое время. Кшиштоф хотел знать, что изменилось в имении за время его отсутствия; Агнешка рассказывала, что успел сделать Лукаш и какие дела остались незавершёнными. Несколько вопросов пришлось отложить до утра, когда можно будет позвать управляющего и поднять бумаги.

Наконец Кшиштоф отодвинул кубок.

— На сегодня, пожалуй, довольно.

— Вы весь день в дороге. Вам давно следовало отдыхать.

— Не стану спорить.

Он поднялся.

— Доброй ночи, пани Агнешка.

— Доброй ночи, пан Кшиштоф.

Они разошлись.

В доме уже стихало. Из кухни ещё доносились голоса, где-то закрыли ставни, потом хлопнула дверь во двор.

В спальне Агнешку ждала Марыся. Всё необходимое ко сну было уже приготовлено.

— Поздно сегодня, пани, — сказала она.

— Пан Кшиштоф приехал. Было о чём поговорить.
Марыся подошла принять у неё ключи.

— Пан Мирецкий тоже остался к ужину?

— Остался.

— Хорошо.

Агнешка взглянула на неё.

— Что хорошо?

— Пани второй день веселее.

Агнешка приподняла брови.

Марыся опустила глаза.

— Простите, пани.

— Ты опять слишком много замечаешь.

— Так с детства при вас.

Агнешка улыбнулась, посмотрев на служанку с мягкой укоризной, затем сняла с пояса связку ключей и протянула ей.

Ключи звякнули.

Агнешка замерла.

— *Cholera!*

— Что, пани?

— Библиотека.

Она так и оставила её открытой после возвращения из леса.

Агнешка забрала ключи обратно.

— *Ordo est anima rerum. Kurwa mać,* — пробормотала она.

Марыся сделала вид, что не расслышала.

— Подожди здесь. Я сейчас.

Агнешка взяла свечу и вышла.

Глава 5

Дверь библиотеки оказалась прикрыта.

Агнешка остановилась.

Днём она оставила её открытой. В этом она была совершенно уверена — именно потому, что забыла запереть.

Из-за двери донёсся тихий шорох.

Она подошла ближе.

— Кто здесь?

Шорох прекратился.

Агнешка толкнула дверь.

В библиотеке было темно. Свет свечи выхватил стол, кресло Лукаша, ближайшие полки. Дальше комната терялась в тени.

— Я спрашиваю, кто здесь?

Никто не ответил.

Она вошла.

На полу возле шкафа лежала книга. Ещё две были раскрыты на столе.

Значит, он вернулся.

Агнешка подняла свечу выше.

— Выходите.

Ответа не было.

Потом в глубине комнаты кто-то шевельнулся.

Агнешка застыла.

Человек стоял у дальних полок спиной к ней.

Тёмный жупан. Широкие плечи. Голова чуть склонена набок.

Что-то в этой фигуре было мучительно знакомым.

— Кто вы?

Человек повернулся.

Свет до лица почти не доставал.

Агнешка отступила на шаг.

Она знала этот жупан.

— Лукаш?..

На одно мгновение Агнешка не смогла пошевелиться.

Фигура двинулась к ней — и наваждение исчезло.

Лукаша похоронили девять дней назад. Она сама видела его в гробу.

— Стойте!

Человек рванулся к двери.

Агнешка шагнула наперерез. Он толкнул её плечом; она отлетела к столу, подсвечник выскользнул из руки и с грохотом упал на пол.

Свеча погасла.

Ежи уже задремал, когда сквозь сон услышал шум.

Он открыл глаза, не понимая, что именно его разбудило.

Потом из-за стены донеслось:

— Я спрашиваю, кто здесь?

Агнешка.

Он отбросил одеяло.

За стеной послышались ещё какие-то слова, потом:

— Стойте!

Что-то грохнуло.

Ежи схватил оставленную у постели саблю.

Когда он распахнул дверь своей комнаты, из библиотеки уже выскочил человек.

— Stój, kurwa!

Ежи бросился следом.

Беглец был впереди всего на несколько шагов. Ежи почти настиг его в сенях, но тот метнулся за угол, туда, где боковая дверь вела во двор.

Мирецкий устремился следом.

Дверь была распахнута.

После света в доме темнота на мгновение ослепила. Под ногами хлюпнула грязь. Ежи различил впереди какое-то движение и бросился за угол.

За домом было пусто.

Справа чернели хозяйственные постройки, дальше — конюшня, слева начинался сад.

Ежи пробежал до сарая, остановился и прислушался.

Ничего.

Где-то залаяла собака.

Из дома уже доносились голоса. Мирецкий ещё всматривался в темноту, потом повернул обратно.

В сенях ему навстречу шёл Мацей с фонарём.

Увидев Ежи с обнажённой саблей, он остановился.

— Ваша милость?..

— Кто-нибудь сейчас выходил со двора?

Мацей удивлённо посмотрел на него.

— Не видал.

— Подними людей. Пусть проверят конюшню, сараи, сад.

И ворота закрой.

— А что случилось?

— В библиотеке был посторонний человек.

Мацей побледнел.

— В библиотеке? Неужто правда?

— Иди.

— Уже иду, ваша милость.

Ежи вернулся в дом.

У библиотеки стояла испуганная Марыся со свечой. Агнешка была внутри, сидела возле стола, потирая ушибленное плечо.

Ежи остановился.

— Вы целы?

— Да.

— Он вас ударил?

— Толкнул. Ничего страшного.

Ежи перевёл взгляд на комнату.

Теперь при свете было видно, что здесь успели натворить.

Несколько книг лежали на полу. На столе были раскрыты ещё три. Один том валялся возле шкафа страницами вниз.

— Опять, — сказал Ежи.

Агнешка кивнула.

— И сегодня уже не особенно старался ставить на место.

Мирецкий подошёл к столу.

— Значит, вчера не нашёл.

— Скорее, ему помешали.

Он взял одну из книг, перелистнул.

— Вы его видели?

— Да.

— Успели рассмотреть?

Агнешка помедлила.

— Почти нет.

— Но вы назвали его Лукашем.

Она посмотрела на него.

— Вы слышали?

— Да.

Агнешка опустила глаза на разбросанные книги.

— Мне показалось.

— Почему?

Она помолчала.

— На нём был жупан Лукаша.

Ежи перестал листать книгу.

— Вы уверены?

— Я его узнала.

— Только жупан?

— Нет. Рост, плечи. То, как он держал голову. На несколь-

ко мгновений...

Она замолчала.

Ежи ждал.

— На несколько мгновений я действительно решила, что это он.

— А потом?

— Потом он меня толкнул. Это очень способствует здравомыслию.

Ежи усмехнулся.

— Полезный способ.

— Не рекомендую.

Он положил книгу на стол.

— И всё-таки человек рассчитывал, что его могут принять за вашего мужа.

— Или просто носит похожий жупан.

— Возможно.

Агнешка подошла к ближайшему шкафу.

— Интереснее другое. Что он ищет?

Ежи оглядел полки.

— Вчера он действовал аккуратнее. А сегодня либо торопился, либо уже сузил поиски.

Агнешка взяла со стола одну из раскрытых книг.

— Эти стоят в разных шкафах

— Что за книги?

Она посмотрела.

— Гербурт. Это проповеди. А эта...

Перевернула второй том.

— Сборник речей.

Ежи взял третью.

— Плутарх.

Он подошёл к полкам, отыскивал свободные места, откуда были вынуты книги.

— Пока не вижу какой-либо системы.

Агнешка встала рядом.

— Может быть, он ищет не определённую книгу. А что-то спрятанное в одной из них.

— Тогда придётся просмотреть всю библиотеку.

— Ему, похоже, уже приходила в голову эта мысль.

Из коридора донеслись торопливые шаги.

Кшиштоф появился в дверях. Он явно только поднялся с постели и выглядел крайне недовольным.

— Что случилось?

За его плечом возник Павол.

— Пан Лукаш приходил, — сообщил старик.

Агнешка закрыла глаза.

— Павол.

Кшиштоф остановился.

— Что ты сказал?

— Пан Лукаш, ваша милость. Здесь был.

— Павол, это уже утомительно — сказала Агнешка.

Кшиштоф перевёл взгляд на неё.

— Так что здесь произошло?

— В библиотеке был человек. Я его спугнула.

— Кто?

— Не знаю.

Павол снова перекрестился.

Кшиштоф нахмурился.

— Что именно вы видели?

Агнешка помедлила.

— На нём был жупан вашего дяди.

— Вы уверены?

— Я его узнала.

— Откуда он его взял?

— Хотела бы я знать.

Павол медленно перекрестился.

— Я же говорил.

— Павол.

Старик умолк.

Кшиштоф оглядел библиотеку.

— Он ушёл?

— Выскочил во двор, — сказал Ежи. — Я потерял его за домом. Мацей послал людей искать.

Кшиштоф повернулся к старику.

— Где ищут?

— В саду, у конюшни, сараи смотрят.

— Я пойду к ним.

Кшиштоф вышел вместе с Паволом.

Агнешка проводила их взглядом и подошла к столу.

— Значит, он всё-таки вернулся.

— И снова за тем же, — сказал Ежи.

Она перевернула лежавшую на столе книгу.

— Только что именно он ищет?

Ежи оглядел полки.

— Пока можно только гадать.

— А если он вернётся ещё раз?

— После сегодняшнего? Вряд ли скоро.

Агнешка посмотрела на него.

— Вы вчера тоже ему помешали.

Ежи помолчал.

— Справедливо.

На полу у его ног лежала раскрытая книга. Он поднял её и аккуратно убрал в шкаф.

— Значит, завтра начнём с того, что выясним, что он уже успел пересмотреть.

— Завтра?

Ежи вопросительно поднял бровь.

— Сегодня я всё-таки собирался поспать.

Агнешка рассмеялась.

— Идите, пан Мирецкий. Если покойный вернётся в третий раз, постараюсь не беспокоить вас.

— Буду признателен.

Он поклонился и вышел.

Агнешка осталась одна.

Несколько минут она ещё стояла посреди библиотеки, глядя на разбросанные книги. Потом подняла с пола ближай-

шую, закрыла и положила на стол.

Вторую. Третью. На четвёртой остановилась. Нет. Завтра.

Она взяла свечу и вышла, на этот раз тщательно заперев дверь.

В коридоре её ждал Кшиштоф.

— Никого?

— Никого. Люди ещё ищут.

Агнешка кивнула.

— Тогда до утра.

— Пани Агнешка.

Она остановилась.

— Завтра нам надо будет серьёзно поговорить.

— О чём?

— О завещании дяди.

Агнешка не ответила сразу.

— Хорошо. Завтра.

— Доброй ночи.

— Доброй ночи, пан Кшиштоф.

Глава 6

Утром Агнешка проснулась с болью в плече.

Повернулась на другой бок, поморщилась и некоторое время смотрела на полоску света между ставнями. Потом вспомнила человека в библиотеке, жупан Лукаша и собственное «Лукаш?..» — и натянула одеяло на голову.

К завтраку она вышла позже обычного.

Кшиштоф и Ежи уже сидели за столом. Перед Кшиштофом лежали какие-то бумаги; Мирецкий пил поливку.

— Доброе утро, пани Агнешка, — сказал он.

— Доброе.

Кшиштоф отложил бумаги.

— Как вы себя чувствуете?

— Если не считать того, что вчера меня сбил с ног покойный муж, вполне.

Кшиштоф нахмурился.

— Это был не дядя.

Агнешка посмотрела на него.

— Очень на это рассчитываю.

Ежи опустил глаза в чашку.

— Плечо болит? — спросил Кшиштоф.

— Немного. Пройдёт.

— Следовало бы позвать лекаря.

— Если нейдёт — позову.

Это его удовлетворило.

Агнешка налила себе поливки.

— Ночью больше ничего не случилось?

— Ничего, — сказал Кшиштоф. — Утром ещё раз осмотрели двор и сад. Следов не нашли.

— А жупан?

— Пока тоже.

Ежи поставил чашку.

— Вот это мне нравится меньше.

— Почему? — спросил Кшиштоф.

— Чужому человеку проще проникнуть в дом, чем знать, где хранятся вещи покойного хозяина.

Агнешка кивнула.

— После завтрака я сама посмотрю.

Некоторое время ели молча.

Кшиштоф снова взял лежавшие рядом бумаги, но не открыл их.

— Пани Агнешка, о том, что я хотел сказать вам вчера...

Она подняла глаза.

— Я помню.

— Я хотел бы объясниться до приезда душеприказчиков.

— Они должны быть скоро здесь. Я послала за ними.

— Знаю. Но речь не о содержании завещания.

— А о чём?

Кшиштоф не успел ответить.

Со двора донёсся стук копыт.

Ежи взглянул в окно.

— Похоже, вам не повезло.

В сенях послышались голоса, и через минуту появился Павол.

— Пани, пан Ольшевский и пан Рудницкий приехали.

— Проси.

Ежи посмотрел на Агнешку.

— Душеприказчики?

— Да. Я послала за ними ещё вчера.

Он отодвинул чашку и поднялся.

— Тогда я оставлю вас.

— Вы не обязаны уходить, — сказала Агнешка.

— Полагаю, как раз обязан.

Кшиштоф тоже встал.

— До встречи, пан Мирецкий.

Ежи поклонился ему, затем Агнешке.

— Пани.

— Пан Мирецкий.

В дверях он посторонился, пропуская Ольшевского и Анджая Рудницкого, земского писаря, которых прежде видел несколько раз.

Ольшевский узнал его.

— Пан Мирецкий. Уже уходите?

— У вас семейные дела.

— Боюсь, именно так.

Они обменялись поклонами.

Ежи вышел.

Рудницкий дождался, пока дверь за ним закроется, и положил на стол кожаный футляр с бумагами.

— Пани Жданович. Прежде всего примите мои соболезнования.

— Благодарю, пан Рудницкий.

— Пан Кшиштоф.

— Пан Рудницкий.

Ольшевский сел рядом с Кшиштофом. Рудницкий вынул из футляра сложенные листы и расправил их на столе.

— Последний завет его милости пана Лукаша Ждановича был учинён им пятого дня сего месяца перед надлежащими по праву свидетелями и после его смерти объявлен в городском уряде. Я привёз выпись.

Агнешка подняла глаза.

— Пятого?

— Да, пани.

Она вспомнила.

— Он ездил тогда в город, буквально перед смертью.

— Пан Лукаш известил меня накануне, — сказал Ольшевский. — Сообщил только, что намерен переменить завет. Что именно — не уточнял.

— «Во имя Отца и Сына и Духа Святого. Аминь. Я, Лукаш Жданович, будучи по милости Господа Бога в добром здравии тела и при совершенной памяти и разуме, памятуя, что всякому человеку смерть назначена, а час её никому не

ведом...»

Агнешка опустила глаза. Вот теперь голос был уже не Рудницкого.

Это был Лукаш. Даже здесь он начинал издалека.

Рудницкий продолжал читать.

Лукаш поручал душу милосердию Господа, просил похоронить себя без излишней пышности и назначал деньги на мессы за себя, родителей, брата и первую жену. Отдельные суммы предназначались костёлу и госпиталю для бедных.

Потом шли обязательства. Каждый долг — кому, сколько и когда надлежало выплатить — был записан с такой точностью, что Агнешка невольно вспомнила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.